

Отношения Россия-США: Обама и наследие Буша

Тома Гомар

Апрель 2009

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

Центр Россия/ННГ

© Droits exclusivement réservés – Ifri – Paris, 2009

ISBN: 978-2-86592-518-6

IFRI

27 RUE DE LA PROCESSION
75740 PARIS CEDEX 15 – FRANCE
TEL. : 33 (0)1 40 61 60 00
FAX : 33 (0)1 40 61 60 60
E-MAIL : ifri@ifri.org

IFRI-Bruxelles

RUE MARIE-THERESE, 21
1000 BRUXELLES
TEL. : 32(2) 238 51 10
FAX : 32 (2) 238 51 15
E-MAIL : info.eurifri@ifri.org

САЙТ ИНТЕРНЕТ : www.ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – электронная коллекция статей, посвящённых России и новым независимым государствам (Белоруссия, Украина, Молдавия, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Киргизстан). Статьи подготовлены известными в своей области экспертами и являются *policy oriented* документами по политическим, стратегическим и экономическим вопросам.

Данная коллекция отвечает стандартам качества ИФРИ (редакционный контроль и анонимная экспертная оценка статей).

Если Вы желаете получать информацию о следующих выпусках по электронной почте, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: info.russie.nei@ifri.org

Последние выпуски:

– Стивен Бланк, «Россия и Латинская Америка: геополитические игры вблизи США», *Russie.Nei.Visions*, №38, апрель 2009;

– Роджер МакДермотт, «Военная мощь России: иллюзии и реальность», *Russie.Nei.Visions*, №37, март 2009;

– Наргис Касенова, «Новый международный донор: помощь Китая Таджикистану и Киргизстану», *Russie.Nei.Visions*, №36, январь 2009.

Об авторе

Тома Гомар руководит в ИФРИ Центром Россия/ННГ и электронной коллекцией *Russie.Nei.Visions*, а также преподаёт в Высшей военной школе Сэн-Сир. Недавно им опубликована книга *Russian Civil-Military Relations: Putin's Legacy* [Отношения между гражданскими и военными в России: наследие Путина], Вашингтон, Carnegie Endowment for International Peace, 2008.

Оглавление

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ПРЯМЫЕ ОБМЕМЫ: «МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ» ПРОТИВ «КОМПЛЕКСА НЕПОЛНОЦЕННОСТИ»	8
ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОЩИ РОССИИ	8
СЛАБОСТЬ ПРЯМОГО ДИАЛОГА И «СЛОВЕСНАЯ ИНФЛЯЦИЯ».....	11
«ПРОДВИЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ» И «СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ»	13
НЕПРЯМЫЕ ОБМЕМЫ: БОРЬБА ЗА ВЛИЯНИЕ НА КАВКАЗЕ И В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	16
ПРИОРИТЕТЫ США	16
ДЕЙСТВИЯ США И РЕАКЦИЯ РОССИИ	18
ИРАН И ГРУЗИЯ	20
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	23

Краткое содержание

Поворот Барака Обамы к России отражает его стремление покончить с эпохой Буша, отмеченной серьёзной деградацией российско-американских отношений. Шансы на успех новой политики США на российском направлении можно реально оценить лишь проанализировав оставленное Бушем наследие, затрудняющее возобновление отношений, особенно в их стратегическом измерении. В ходе последних восьми лет прямые обмены между двумя странами приняли форму всё более ужесточающегося противостояния. Происходящие на периферии России непрямые обмены также обнажают противоречия в подходах к разделу сфер влияния. Иранское и грузинское досье свидетельствуют о серьёзных разногласиях, усиливающихся, к тому же, возвратом к риторике времён холодной войны. Таким образом, свобода действий Барака Обамы, стремящегося к переориентации внешней политики США, оказывается в определённой мере ограничена наследием его предшественника.

Введение

Второго апреля 2009 года Барак Обама и Дмитрий Медведев впервые встретились во время Лондонского саммита Большой Восьмёрки. Американский президент объявил о своём намерении посетить Россию в июле с целью ускорить восстановление отношений. С первого дня своего появления в Белом доме Обама прибегает к дипломатическому маневрированию, направленному на то, чтобы увязать поддержку Москвой стабилизации в Афганистане и иранское досье с вопросами европейской безопасности¹. Всё это служит целям предусматриваемого в рамках новых переговоров по договору СНВ широкомасштабного ядерного разоружения. Стремление порвать с эпохой Буша проявляется здесь со всей очевидностью. Однако эта эпоха продолжает определять большинство существующих на сегодняшний день возможностей. Чтобы понять, в чём ограничена свобода действий нового президента США, следует вернуться в прошлое и рассмотреть реакцию Вашингтона на возрождение мощи России в ходе двух мандатов Владимира Путина (2000-2008) и то, каким образом эта реакция способствовала серьёзной деградации российско-американских отношений. Вес наследия прошлого вынуждает умерить энтузиазм, вызываемый сегодняшней тенденцией к сближению. Он может столкнуться с различием временных переменных двух правительств: если Белый дом нуждается в быстрых результатах, то Кремль зачастую предпочитает сохранение статус-кво.

В июне 2001 года, после своей первой встречи с Владимиром Путиным, Джордж Буш заявил, что «заглянул в глаза» своего собеседника и «увидел там душу». В сентябре 2001 года незамедлительная поддержка, оказанная Кремлём Белому дому, воспринимается как крупный прорыв в российской внешней политике, способный положить начало эпохе сотрудничества. Однако отношения между двумя странами вскоре вступают в период стагнации, а затем серьёзно деградируют и достигают дна, невиданного со времён холодной войны. В феврале 2007 года Владимир Путин подверг резкому осуждению американскую «однополярность». В мае 2008 Дмитрий Медведев выступил с инициативой создания «новой архитектуры европейской безопасности» и лишь спустя три месяца уточнил, что речь идёт о стремлении защитить «сферу привилегированных интересов» своей страны. Война с Грузией со

Переведено с французского Натальей Киселёвой-Туле.

¹ Об этом маневрировании и позиции Москвы в первом квартале 2009 года см. в: Th. Gomart, «Washington-Moscou: la nouvelle donne» [Новое в отношениях Вашингтон-Москва], *Politique internationale*, №123, 2009.

всей очевидностью стала новым поворотным пунктом и привела в сентябре 2008 года к осуждению Джорджем Бушем России в ООН.

Анализ наследия Буша требует различения двух уровней², поскольку природа и сила возрождения России получили разную оценку в сообществе экспертов и в администрации Буша³. Схематизируя, можно сказать, что расхождения во мнениях касаются следующего ключевого момента: в то время как в риторике Белого дома Россия всё больше предстаёт как некая ревизионистская сила, сообщество экспертов стремится определить зоны возможного сотрудничества. Обычно отсутствующая в анализах диалектика «действие-реакция» лежит в основе деградации российско-американских отношений. Помимо этого, попытки анализа сталкиваются с различием сущностей двух протагонистов. Сообществу экспертов не всегда удаётся определить место России среди глобальных приоритетов американской администрации. Если в последние годы для возрождающейся России Вашингтон вновь стал стратегическим горизонтом, Москва остаётся для Америки приоритетом третьего порядка в силу переключения её стратегических ориентаций на Афганистан, Ирак, Иран и Китай. С позиций администрации Буша, в стратегическом плане Россия относится к странам, находящимся «на стратегическом перепутье» (*strategic crossroads*), способным представлять угрозу для стабильности их регионального окружения⁴.

Замешательство Америки перед фактом возрождения России объясняется, по всей вероятности, наложением двух подходов. Во-первых, политическим аналитикам не удалось разрубить Gordian узел и выбрать между двумя способами восприятия России: как перевоплощения СССР и как составной части стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), то есть новой державы, способной в более или менее отдалённом будущем вызвать изменения в геостратегическом равновесии. В момент подведения итогов своей деятельности Кондолиза Райс охарактеризовала отношение администрации Буша к России не как к «побеждённому врагу», а как к «потенциальному партнёру»⁵. В реальности же американская администрация

² См. критический анализ в: Н.-J. Spanger, *Between Ground Zero and Square One, How Georges W. Bush Failed on Russia*, Frankfurt, PRIF Reports, №82, 2008. Более подробный анализ см. в: M. Zaborowski, *Bush's Legacy and America's Next Foreign Policy*, Paris, EUISS, Chaillot Paper, №111, 2008.

³ Эти мнения заслуживают отдельного рассмотрения.

⁴ Department of Defense, *Quadrennial Defense Review Report*, февраль 2006.

⁵ Кондолиза Райс. Речь, посвящённая американско-российским отношениям, Вашингтон, GMF, 18 сентября 2008: «Since the end of the Cold War – spanning three administrations, both Democratic and Republican – the United States has sought to encourage the emergence of a strong, prosperous, and responsible Russia. We have treated Russia not as a vanquished enemy, but as an emerging partner. We have supported – politically and financially – Russia's transition to a modern, market-based economy and a free, peaceful society. And we have respected Russia as a great power, with which to work to solve common problems». [После окончания холодной войны, охватившей три администрации как демократов, так и республиканцев, США стремились поддержать возникновение сильной, процветающей и ответственной России. Мы обращались с Россией не как с побеждённым врагом, а как с потенциальным партнёром. Мы оказали политическую и финансовую поддержку переходу России к современной рыночной

колебалась между двумя позициями: ретроспективной логикой «новой холодной войны», включающей новое сдерживание (*containment*), и перспективным видением глубинных изменений в российском обществе и возврата к типичному поведению с позиции силы.

Во-вторых, отношение США к России продолжает в большой степени зависеть от отношения к её соседству. По всей видимости, администрация Буша предпочла действия на рубежах России в ущерб отношениям с Москвой. Выбор между трансформацией и стабильностью в пользу первой привёл к глубинным изменениям в характеристиках присутствия США, а именно к новой после 90-х годов милитаризации. Отмечая своё присутствие на подступах к России, США поддержали расширение НАТО на некоторые страны этого региона. Операция *Enduring Freedom* в Афганистане, вторжение в Ирак, а также продолжающаяся напряжённость в отношениях с Ираном оказывают косвенное воздействие на многие столицы «постсоветского» пространства. Действия США на рубежах России привели к постепенному ухудшению двусторонних отношений. В этот же период России удалось восстановить экономическую мощь, конвертируемую в военно-политическую силу, а также воспользоваться ошибками американской сверхдержавы, особенно на прилегающем к России пространстве. Грузинская война может послужить иллюстрацией интеллектуального замешательства и политического тупика, в котором оказалась в итоге администрация Буша. Необходимо рассмотреть причины, приведшие к этой ситуации, с тем, чтобы понять, как вытекающие из неё последствия могут повлиять на политику Барака Обамы.

экономике и свободному мирному обществу. Мы с уважением относились к России как к великой державе, с которой необходимо сотрудничать для решения общих проблем].

Прямые обмены: «мания величия» против «комплекса неполноценности»

Интерпретации мощи России

По всей вероятности, интеллектуальное замешательство администрации Буша по отношению к России в определённой мере является следствием веры в устойчивую «однополярность». Это понятие, получившее большое распространение в 90-е годы, приписывало американскому могуществу доминирование по всем направлениям над другими державами и, особенно, «над окончательно ослабленной Россией»⁶. После 11 сентября Россия, казалось, «коренным образом переориентировала» свою внешнюю политику в соответствии с политикой США в силу общности интересов в борьбе с радикальным исламизмом и стремления присоединиться к западному лагерю⁷. Однако на действиях России, движимой желанием реванша за годы так называемого «переходного периода», постепенно начинает сказываться отказ Вашингтона поделить мировую ответственность⁸. Администрация Буша весьма неохотно признаёт требования новых держав, стремящихся превратить свой экономический вес в политическое влияние. При этом многие аналитики быстро пришли к пониманию того, что оспаривание американского порядка изначально является движущей силой внешней политики Владимира Путина⁹.

Идеология неоконсерватизма в сочетании с особенностями профессиональной карьеры ключевых членов администрации Буша привели к восприятию России лишь как побеждённого идеологического

⁶ Ch. Krauthammer, «The Unipolar Moment», *Foreign Affairs*, 1990/91. О пересмотре этого тезиса после 11 сентября см. в: «The Unipolar Moment Revisited», *The National Interest*, 2002/03, с. 6.

⁷ *Ibid.*, с. 8.

⁸ M. Brawley, «Building Blocks or a BRIC Wall? Fitting US Foreign Policy to the Shifting Distribution of Power», *Asian Perspective*, №4, 2007, с. 151-175.

⁹ По первому пункту см.: J. Bugajski, *Cold Peace, Russia's New Imperialism*, Westport, Praeger/Csis, 2004. По второму см.: T. Ambrosio, *Challenging America's Global Preeminence, Russia's Quest for Multipolarity*, Burlington, Ashgate, 2005.

противника¹⁰. Триумф ценностей победившей стороны способствовал оживлению стереотипов времён холодной войны и созданию психологического контекста конфронтации, а не сотрудничества¹¹. Жертва собственного «комплекса превосходства», администрация Буша воспринимает расширение НАТО как естественный процесс, поскольку упадок России позволяет не принимать в расчёт её требования¹². Жертва собственного «комплекса неполноценности», Кремль тяготеет к манипулированию историческими ссылками, напоминающими об имперской и советской славе. В то же время, российский энергетический потенциал привлекает интересы Вашингтона. Перспективы сотрудничества в этой сфере, открытые на саммите в Хьюстоне (октябрь 2002), в скором времени рушатся в связи с ренационализацией энергетического сектора в России. Во второй половине 2003 года дело ЮКОСа влечёт за собой уход последних представителей ельцинского периода, ещё поддерживавших развитие российско-американских отношений. Возможный предмет сотрудничества – энергетическое досье – превратился в предмет разногласий, открывающих путь непрекращающемуся изобличению российского энергетического империализма¹³.

Оглядываясь назад, можно выделить три основных рычага политики Владимира Путина: энергетическая политика, основанная на ренационализации предназначенных для форсированного обогащения страны активов; военная реформа, призванная смыть чеченский позор; и, наконец, поиск престижа – навязчивая идея режима как во внутренней, так и во внешней политике¹⁴. Во время избрания Путина на пост президента в марте 2000 года баррель нефти стоил 31 доллар США. В июле 2008 года его цена достигла 143 долларов, после чего сократилась вдвое за три месяца. Таким образом, возрождение России под руководством Владимира Путина находится в прямой зависимости от цены на нефть. Следует напомнить, что российско-американские обмены в сфере энергоносителей, впрочем, как и их глобальный торговый оборот, остаются крайне ограниченными¹⁵. Этот недостаток содержания приводит к тому, что позиция Вашингтона по отношению к российской энергетической мощи формируется на основании двух критериев: функционирование мировых рынков энергии и «энергетическая безопасность» Европы. Эта последняя тема вызывала особый интерес в ходе последнего мандата Джорджа Буша, в связи с ростом цен на энергоносители и развитием политической ситуации на Украине, на Кавказе и в Центральной Азии.

¹⁰ J. Mann, *Rise of the Vulcans: The History of Bush's War Cabinet*, New York, Penguin Books, 2004.

¹¹ Th. Graham, *US-Russia Relations, Facing Reality Pragmatically*, Washington, CSIS/IFRI, июль 2008, с. 2.

¹² A. Tsygankov, « Obstacles to US-Russian Cooperation in the Caucasus and Ukraine » in S. Blank (ред.), *Prospects for US-Russian Security Cooperation*, Carlisle, Strategic Studies Institute, март 2009, с. 320-321.

¹³ F. Hill, *Russia's Energy Empire*, London, FPC, 2004.

¹⁴ P. Baev, *Russian Energy Policy and Military Power*, London, Routledge, 2008, с. 2-3.

¹⁵ A. Kuchins, A. Beavin, A. Bryndzn, *Russia's 2020 Strategic Economic Goals and the Role of International Integration*, Washington, CSIS/IFRI, июль 2008, с. 10-12.

В 2003 году сопротивление России вторжению в Ирак способствовало формированию восприятия её как страны, оспаривающей односторонний американский подход. Хотя приписываемая Кондолизе Райс формулировка – *наказать Францию, игнорировать Германию, простить Россию* – хорошо иллюстрирует стремление Вашингтона не позволить иракскому досье испортить отношения с Москвой, в силу того, что Россия не является членом НАТО и, к тому же, располагает некоторыми козырями на Ближнем и Среднем Востоке (отношения с Израилем, Сирией и Ираном). Оглядываясь назад, можно сказать, что иракский эпизод не был основным фактором деградации отношений.

Настоящий поворотный момент пришёлся на вторую половину 2004 года. Захват заложников в Беслане в сентябре 2004 стал тяжёлой травмой для российского политического режима, значение которой недооценивается его партнёрами. В России же это событие привело к созданию своего рода военной ситуации. Как и США, Россия считает себя находящейся в состоянии войны с терроризмом, что служит оправданием сокращению публичных свобод и ужесточению режима¹⁶. Террористическая угроза эксплуатируется Кремлём как во внутренней, так и во внешней политике¹⁷. В этот ряд вписывается и «оранжевая революция» на Украине, поскольку вмешательство Москвы в предвыборную кампанию воспринимается как выражение российского неоимпериализма. Международное значение этого события было в большой мере недооценено Кремлём, рассчитывавшем на применение классических методов влияния. «Оранжевая революция» затронула основы американского стратегического понимания постсоветского пространства и, в особенности, места в нём Украины.

Перевыборы Владимира Путина (март 2004) сопровождаются утверждением позиций России на международной арене, ставшим возможным благодаря политической стабильности и экономическому росту в России, а также появлению у США трудностей в Ираке. В это же время, двойное расширение НАТО и ЕС усиливает беспокойство Москвы, осознающей силу притяжения этих двух полюсов и, соответственно, собственную неспособность инициировать какие-либо интеграционные процессы.

Американское сообщество экспертов, несмотря на подверженность различным течениям и воздействиям, предвидит ужесточение официальных позиций после перевыборов Джорджа Буша. Поддерживаемая Советом по международным отношениям (*Council on Foreign Relations*), рабочей группой под сопредседательством Джона Эдвардса и Джека Кемпа, отвергает идею «стратегического партнёрства» и рекомендует Белому дому

¹⁶ D. Lynch, «"The Enemy is at the Gate": Russia after Beslan», *International Affairs*, №1, 2005, с. 141-161.

¹⁷ Th. Gomart, *Russian Civil-Military Relations: Putin's Legacy*, Washington, Carnegie Endowment for International Peace, 2008, с. 71-86.

принцип «избирательного сотрудничества»¹⁸. Второй отчёт, подготовленный Трёхсторонней комиссией, предписывает более прагматичный подход по следующим досье: терроризм, борьба с распространением ядерного оружия, климатические изменения, наркоторговля, энергетические поставки и стабилизация Среднего Востока. Этот период отношений должен был преследовать целью создание благоприятных условий для последующей «конвергенции ценностей»¹⁹.

Эта эволюция мнения экспертов сопровождается усилением дискредитации России (*Russian Bashing*) как демократами, так и республиканцами. К примеру, Том Лантос, демократ, в то время президент Комиссии по международным делам Палаты представителей Конгресса США, изобличает контроль исполнительной власти в России службами разведки. Влияние силовиков служит для него объяснительным принципом функционирования всей российской системы, хотя в реальности эта система далеко не сводится к простой эксплуатации страны группой силовиков²⁰. Кандидат от республиканцев Джон Маккейн бичует российскую автократию, представляющую, по его мнению, угрозу для безопасности США. Вместе с сенатором-демократом Джозефом Либерманом, он с ноября 2003 года предпринимает попытки исключить Россию из Большой Восьмёрки именем демократии и свободного рынка.

Слабость прямого диалога и «словесная инфляция»

Невозможно понять стратегию администрации Буша по отношению к России без упоминания того, что базовые структуры американской безопасности – Совет национальной безопасности, Пентагон и ЦРУ – сформировались под влиянием холодной войны, причём это касается не только определения угрозы, но и внутренней организации. Наследие холодной войны ещё более ощутимо в организации аппарата по безопасности России. Тот факт, что Россия перестала быть приоритетом американской внешней политики, привёл к тому, что Белый дом делегировал управление отношениями с Москвой чиновникам среднего ранга, не имеющим политического веса²¹. Невозможно также не заметить, что решения, принимаемые в США на президентском уровне, с трудом исполняются на нижестоящих уровнях власти и медленно реагируют на внутренние события в России.

¹⁸ S. Sestanovich (дир.), *Russia's Wrong Direction, What the United States Can and Should Do*, Washington, CFR, Independent Task Force, Report №57, март 2006.

¹⁹ R. Lyne, S. Talbott, K. Watanabe, *Engaging with Russia, The Next Phase*, Washington, Paris, Tokyo, Report to The Trilateral Commission, 2006.

²⁰ Th. Gomart, *op. cit.* [17], с. 42-70.

²¹ Th. Graham, *op. cit.* [11].

Ситуация усугубляется внутренними расколами, присущими как американской, так и российской политическим системам. К примеру, воплощаемый Томасом Грэмом (специальный помощник президента, эксперт по России в СНБ до февраля 2007) классический подход, предписывающий «жёсткий реализм», сталкивается с трансформаторскими взглядами Дэниэла Фрида (помощник госсекретаря по европейским делам), предлагающего идеологический взгляд на Россию. С точки зрения первого течения, сотрудничество с Россией возможно по чётко определённым темам, в частности, в сфере безопасности. С точки зрения второго, Россия является прежде всего неоимпериалистической державой, стремящейся к доминированию в своём ближайшем окружении и к подавлению попыток демократизации в таких странах как Грузия, Украина или Киргизстан. Истинный знаток российской истории, её ритмов и глубинных основ, Томас Грэм относится к «продвижению демократии» с определённой сдержанностью. Он считает, что американские усилия в адрес стран СНГ не могут предприниматься в обход отношений с Москвой. С его точки зрения, несмотря на напряжённость в отношениях, сотрудничество возможно и, *in fine*, желательно. Для Дэниэла Фрида, поддержка Саакашвили имеет большее значение, чем отношения с Москвой. Эти две личности воплощают две крайности в подходах администрации Буша: с одной стороны, «целенаправленное партнёрство», а с другой – одержимость идеей «продвижения демократии». Дик Чейни является одним из наиболее ревностных сторонников второго подхода. Что касается Кондолизы Райс, то её попытки примирения двух подходов не имели большого успеха. Этим расколом в некоторой степени можно объяснить отсутствие чёткой линии и постоянства в действиях Джорджа Буша²².

Похоже, что на протяжении всего своего мандата Джордж Буш так и не смог найти устойчивую позицию по отношению к России. В марте 2006 года он заявил о том, что не отказывается от попыток убедить Россию действовать в согласии с Западом. Он также выступил против идеи исключения России из Большой Восьмёрки, полагая, что эти саммиты предоставляют благоприятную возможность для прямых обменов. Со своей стороны, Дик Чейни в крайне требовательной форме настаивал на важности поддержания демократии и необходимости изолировать Россию. Его речь в Вильнюсе в мае 2006 года отметила начало периода доминирования идеологов над реалистами, а вместе с ним и словесную эскалацию между двумя странами. По сути, эта речь в меньшей степени была адресована Москве, чем столицам постсоветского пространства. Но при этом она вызвала живую реакцию Владимира Путина в Мюнхене (февраль 2007), где он произнёс речь, в которой изобличил американский односторонний подход в контексте общей дискредитации администрации Буша в общественном мнении.

Весьма значимой ступенью в эволюции стратегической парадигмы американской администрации стала речь Джорджа Буша в Праге (июнь 2007), воспринятая в Москве как лобовая атака. В этой

²² Н.-J. Spanger, *op. cit.* [2], с. 25.

речи Буш вернулся к двум привычным поводам для критики: порицание энергетического империализма и внутривнутриполитического ужесточения, с неизбежностью отражающегося на внешней политике. К этому добавляется всё более частое сравнение российского и китайского режимов с целью продемонстрировать их общие черты и стремление вести себя как классические державы, потенциально способные нарушить как региональное, так и глобальное равновесие. Такое понимание вписывается в стратегическое течение, не исключающее создание «антигегемонического блока вокруг оси Россия-Китай»²³.

«Продвижение демократии» и «суверенная демократия»

Недостаточность содержания в российско-американских отношениях приводит к словесным играм. Отношения между двумя столицами, постепенно идеологизируясь, сталкиваются вокруг вопроса о модели, и этот момент в развитии отношений особенно важен для понимания. Констатируя моральный кризис американского лидерства, Россия прибегает к открытому оспариванию универсальности американской модели, видя в ней причину разжигания войн и источник экономического абсурда. После так называемого переходного периода, воспринимаемого как политическое, экономическое и интеллектуальное унижение, для России наступает время своего рода реванша, ставшего возможным благодаря экономическому росту и относительно эффективной в постсоветском пространстве публичной дипломатии (*Public Diplomacy*). Манихеизм и противоречивость администрации Буша способствуют этому тренду: Кремль постепенно разрабатывает ответную риторику, которая становится всё более эффективной по мере того, как американская администрация увязает в отрицании реальности.

В ходе этих лет стратегия политической коммуникации Кремля эволюционировала в контексте психологического разрыва с годами так называемого переходного периода и создания образа страны, следующей по пути экономической модернизации²⁴. Эта стратегия подчёркивает, среди прочего, прагматизм Владимира Путина, его стремление выглядеть «российским де Голлем», заботящимся, прежде всего, о национальной независимости и порядке²⁵. Параллельно с этим российский режим создаёт для себя идеологический корпус, основанный на принципе «российской специфичности» и «суверенной демократии» и призванный выступить

²³ С. Gray, *La Guerre au XXIe siècle* [Война в XXI веке], Paris, Economica, 2007, с. 54.

²⁴ V. Feklyunina, «Battle for Perceptions: Projecting Russia in the West», *Europe-Asia Studies*, №4, 2008, с. 605-629.

²⁵ Th. Gomart, «La politique russe de la France: fin de cycle?» [Российская политика Франции: завершение цикла?], *Politique étrangère*, №1, 2007, с. 125-126.

в качестве антитела по отношению к вспышкам американского влияния, а затем, в своём ближайшем окружении, в качестве вируса, подрывающего усилия Вашингтона, адресованные местным политическим режимам. Кроме того, с апреля 2006 года Кремль начинает разрабатывать монетарную политику, основанную на накоплении значительных валютных резервов и нацеленную на превращение рубля в валюту, способную заменить доллар в таких странах как Армения, Азербайджан или Казахстан²⁶.

Совершенно очевидно, что Кремль, обращаясь непосредственно к заинтересованным странам, стремится также дать ответ американским усилиям по «продвижению демократии». При этом он настаивает на том – и в этом заключается один из имплицитных смыслов «наследия» Путина, – что Россия не имеет ни малейшего намерения превратиться в почву для этого «продвижения» и, как следствие, не собирается способствовать деятельности финансируемых с этой целью иностранных фондов и неправительственных организаций. Преследуя цель усиления патриотических и националистических рефлексов, Кремль разрабатывает идеологический корпус, направленный на убеждение общественного мнения в том, что любая попытка изменения режима организуется при участии США²⁷.

Экономическое оживление сопровождается быстрым ростом самоуверенности российских руководителей, часто воспринимающейся в США как высокомерие. При этом Кремль систематически эксплуатирует моральную деградацию американского лидерства: *How do you spell Guantanamo?** становится присказкой эмиссаров Кремля в Европе, в США и, особенно, в странах бывшего СССР. Полный решимости закрепить свои позиции в сфере моральных ценностей, Кремль заостряет внимание на противоречиях между словами и действиями администрации Буша. Эта политическая деятельность преследует не только внутренние цели, но и внешние, в частности, по отношению к автократиям Центральной Азии и гибридным режимам Кавказа. Её результатом становится возникновение новых форм антиамериканизма в российском обществе²⁸.

Поворотный момент приходится на 2005 год, ставший как пиком продвижения демократии («революция тюльпанов» и создание Содружества демократического выбора по инициативе Польши, Украины и Грузии), так и началом отката, отмеченным андиганскими событиями в Узбекистане (май 2005). Вызванная «цветными» революциями эйфория заканчивается по причине ухудшения ситуации

²⁶ J. Johnson, «Forbidden Fruit: Russia's Uneasy Relationship with the US Dollar», *Review of International Political Economy*, №3, 2008, с. 394.

²⁷ V. Shlapentokh, « Are Today's Authoritarian Leaders Doomed to Be Indicted When They Leave Office? The Russian and Other Post-Soviet Cases », *Communist and Post-Communist Studies*, №2, 2006, с. 462-463.

* англ. «Как пишется Гуантанамо ?» (прим. переводчика).

²⁸ S. Mendelson, Th. Gerber, « Us and Them: Anti-American Views of the Putin Generation », *The Washington Quarterly*, №2, 2008, с. 131-150.

в Афганистане и Ираке, но также в силу тех практик использования власти, к которым прибегают новые лидеры в Грузии и на Украине. Возникшие трудности приводят Вашингтон к разработке концепции трансформационной дипломатии (*transformational diplomacy*), официально появившейся в январе 2006. Самодискредитация администрации Буша в борьбе с терроризмом (применение пыток и прямая поддержка полицейских режимов) приводит к тому, что «продвижение демократии» становится болезненной темой как для экспертов, так и для дипломатов. В силу своего отклонения от намеченного пути, эта идея не только снижает эффективность американских действий, но и ослабляет этические основания американской демократии. Стоит ли добавлять, что эти перемены в восприятии живо поддерживаются Москвой, совмещающей идеологическую деятельность с восстановлением своих традиционных векторов влияния, чему свидетельствует, например, открытие базы в Канте на территории Киргизстана в июне 2006 года в противовес американскому присутствию в Манасе.

Непрямые обмены: борьба за влияние на Кавказе и в Центральной Азии

Приоритеты США

Три основные театра военных действий в борьбе с «международным терроризмом» – Ирак, Афганистан и Иран – расположены в непосредственной близости от стран Центральной Азии и Кавказа. Эти три зоны определяют представление американских властей о Евразии. Понятие «евразийские Балканы» (*Eurasian Balkans*), подчёркивающее риск нестабильности этих стран, получило распространение благодаря Збигневу Бжезинскому²⁹. Им же был разработан остающийся актуальным ряд аргументов о природе связей между Украиной и Россией; связей, разорвать которые призваны США³⁰. Эта последняя идея была возведена в ранг принципа действия: тесные связи с Украиной поддерживают имперскую самоидентификацию России, в то время как разрыв этих связей может способствовать переориентации этих стран на демократический путь развития. Соответственно, необходимо обозначить чёткие лимиты российской внешней политики, что послужило бы «остепенению» и внутреннему развитию России. Что касается отношения к Кавказу и Центральной Азии, широкое распространение получило мнение о том, что оно основывается на энергетических интересах. В реальности же, понимание этих зон подчиняется разработанной Пентагоном стратегии доступа (*Theater Engagement Strategy*). С 2000 года применение военной силы комбинируется с усилиями по демократизации, являющейся не целью в себе, а средством создания стабильной среды, благоприятствующей отношениям между американскими вооружёнными силами и вооружёнными силами соответствующих стран³¹. Американское присутствие в данной зоне явно преследует целью помешать любой форме российского империализма и

²⁹ Z. Brzezinski, *The Grand Chessboard, American Primacy and its Geostrategic Imperatives*, New York, Basic Books, 1997.

³⁰ J. Bugajski, S. Pifer, K. Smith, C. Wallander, *Ukraine, A Net Assessment of 16 Years of Independence*, Washington, CSIS, февраль 2008.

³¹ S. Blank, *US Military Engagement with Transcaucasia and Central Asia*, Carlisle, Strategic Studies Institute, US Army War College, июнь 2000, с. 1.

ограничить влияние Ирана. На сегодняшний день, невзирая на свою слабость, Россия воспринимается как основной возмутитель спокойствия в своём окружении, что связывается с силой влияния имперско-советского наследия.

Таким образом, достаточно быстро Кавказ и Центральная Азия перестают восприниматься только под энергетическим углом зрения и включаются в стратегию доступа к театрам действий, что совпадает по времени с периодом доктринальной эйфории. Успешные операции американских войск в Афганистане (2001-2002) и в Ираке (2003) на начальных этапах конфликтов, акцентируя способность проекции силы на отдалённые театры военных действий, ещё не ставили вопроса об их дальнейшем политическом использовании в целях стабилизации и реконструкции. После 2004 года этот концептуальный пробел не перестаёт расти, что делает включение стран Кавказа и Центральной Азии неэффективным и способствует усилению в регионе веса России.

При этом американские власти стремятся воспрепятствовать любой форме доминирования в этих зонах какой-либо региональной державы. Для этого к политическим целям адаптируются такие концепции как партнёрство в Большой Центральной Азии (*Greater Central Asia Partnership*), согласно которой США должны стремиться к восстановлению разрушенных СССР торговых каналов, предлагая региональный подход, включающий помимо пяти стран Центральной Азии также Афганистан и Пакистан (что также могло бы стать способом оказать поддержку умеренным силам в Иране) и помещая Афганистан в центр этой конфигурации³². Деграция военной ситуации в Афганистане и Пакистане нарушает эти планы. Тем не менее, Центральная Азия сохраняет своё ключевое значение для американской администрации в силу её центральной позиции в Евразии и возможности использования её в качестве опорной площадки для американских военных действий³³.

Совершенно очевиден политический характер интеллектуального перекраивания географических карт. Речь идёт не только о разработке стратегии доступа в соответствии с делением на Восточную Европу, Кавказ и Центральную Азию, но и о его навязывании другим. Это деление предстаёт как единственно правильное и явно преследует цель отказа от понятия «постсоветское пространство», несущего определённую историческую нагрузку. Речь идёт о том, чтобы подтолкнуть все заинтересованные страны к решению окончательно порвать с советским наследием. Однако деграция ситуации в Афганистане заставляет сообщество экспертов изменить свои позиции в сторону подчёркивания необходимости учитывать соотношения сил и влияний в Центральной Азии, избегая

³² F. Starr, « A Partnership for Central Asia », *Foreign Affairs*, №4, 2005, с. 164-165.

³³ E. Rumer, « The United States and Central Asia: In Search of a Strategy », in E. Rumer, D. Trenin и H. Zhao, *Central Asia, Views from Washington, Moscow, and Beijing*, London, ME Sharpe, 2007, с. 62.

прямой конфронтации с Россией³⁴. Вскоре после этого грузинская война нанесёт серьёзный ущерб даже самым укоренившимся верованиям в силу влияния Америки.

Выбор подхода к пониманию этой геополитической зоны влечёт за собой административные последствия двух порядков. Во-первых, недостаток экспертного знания этих стран после распада СССР вынуждает Госдепартамент работать над его постепенным формированием³⁵. Во-вторых, административная реорганизация Госдепартамента, как и реорганизация Пентагона, осуществляются в соответствии с выделением операционных театров. Так, в феврале 2006 года Госдепартамент объединяет в рамках бюро по делам Южной и Центральной Азии (*Bureau of South and Central Asian Affairs*) следующие страны: Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Киргизстан, Афганистан, Пакистан, Индия, Непал, Шри-Ланка и Бутан. Как и другие географические управления, это бюро находится в ведении заместителя госсекретаря по политическим вопросам (*Under Secretary for Political Affairs*). В этой реорганизации отражается учетывание трёх важнейших тенденций: возрастание мощи Китая, дестабилизирующая роль Ирана и эволюция Среднего Востока.

Действия США и реакция России

В Центральной Азии, Вашингтон, – в отличие от Москвы, – открыто преследует свои интересы: создание заслона терроризму и радикальному исламу; развитие экономической стабильности; обеспечение безопасности доступа к энергетическим ресурсам; защита стран зоны (то есть борьба против возврата влияния России) и продвижение прав человека и общественных свобод³⁶. На Кавказе политика США долгое время преследовала целью помешать любой форме сотрудничества с Ираном. Однако после избрания Джорджа Буша (2000) эта догма была разрушена усилиями некоторых кругов, стремящихся к улучшению отношений с Ираном и сотрудничеству с Россией во имя эффективности и энергетической диверсификации. К примеру, в этом направлении ориентированы работы института Бейкера (*Baker Institute*) в области энергетики, в которых отмечается трудность задачи поддержания принципа диверсификации экспортных

³⁴ R. Weitz, «Averting a New Great Game in Central Asia», *The Washington Quarterly*, №3, 2006, с. 164-165.

³⁵ Carnegie Endowment for International Peace, «Russia, China, and the United States: From the Great Game to Cooperation in Central Asia?», intervention by James Collins, 6 февраля 2007.

³⁶ О политике России см.: P. Baev, «Assessing Russia's Cards: Three Petty Games in Central Asia», *Cambridge Review of International Affairs*, №2, июль 2004, с. 269-281; L. Jonson, *Vladimir Putin and Central Asia, The Shaping of Russian Foreign Policy*, London, Tauris, 2004. О политике США см.: O. Olikier, D. Shlapak, *US Interests in Central Asia*, Santa Monica, RAND Corporation, 2005.

путей, при отказе от возможностей, предоставляемых Россией и Ираном. Начатые в 1990-е годы действия США на Кавказе привели к запуску в мае 2005 года трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Действия США в этой зоне определяются интересами, сходными с их интересами в Центральной Азии. Однако подход к этим двум операционным зонам осуществляется в разных условиях, поскольку призванная открыть Кавказ «революция роз» в Грузии (2003) происходит на волне идеологической самоуверенности США, в то время ещё победителя в Ираке, а призванная открыть Центральную Азию «революция тюльпанов» в Киргизстане (2005) имеет место в контексте ослабления американского влияния, приведшего впоследствии к уходу из Узбекистана. Между грузинским успехом и узбекской неудачей американские действия сталкиваются с концептуальными и практическими трудностями трансформации.

Переизбрание Джорджа Буша оставляет надежду на поворот к большему реализму и меньшую идеологизацию в действиях США. Именно такую реакцию вызывает в Кремле назначение Кондолизы Райс главой Госдепартамента. Официально выдвинутая Госдепартаментом в январе 2006 года, концепция трансформационной дипломатии (*transformational diplomacy*) является попыткой нового прочтения международной реальности, сопоставимого с доктриной Буша первого мандата. К этому прочтению следует добавить развитие менее рудиментарных в идеологическом плане инструментов внешних действий: *nation-building* становится предметом более разработанной методологии, выборы начинают восприниматься как необходимое, но не обязательно достаточное, условие демократизации, которая, в свою очередь, перестаёт выступать в качестве решения всех проблем безопасности. Тем не менее, в долгосрочной перспективе цель усилий США остаётся прежней: «речь продолжает идти, в идеале, о демократизации авторитарных режимов»³⁷.

Этот подход напрямую сказывается на России и её соседстве. Он усиливает непонимание между Вашингтоном и Россией, которая, со своей стороны, по всей видимости рассчитывает на взаимовыгодную сделку (*bargaining*), исходя из трёх постулатов. Во-первых, по мнению России, она не была вознаграждена за поддержку, оказанную ею США после 11 сентября, при этом Вашингтон полагает, что этим вознаграждением стало создание в мае 2002 года Совета НАТО-Россия³⁸. Во-вторых, Россия располагает теперь определённой свободой действий, благодаря энергетической ренте, а также внутренней реорганизации власти, позволяющей ей присутствовать на международной сцене. В-третьих, Россия надеется извлечь выгоду из подспудного соперничества с Вашингтоном за зоны влияния в Евразии, полагая, что у Вашингтона имеется объективный интерес в существовании векторов влияния, способствующих общей

³⁷ J. Vaïsse, *États-Unis : le temps de la diplomatie transformationnelle* [Соединённые Штаты: время трансформационной дипломатии], Paris, EUIES Cahiers de Chaillot, №95, декабрь 2006, с. 11.

³⁸ Ch. Krauthammer, *op. cit.* [6], с. 8.

стабилизации. Отстаиваемая экспертами, эта идея сделки так и не находит дипломатического выражения в годы президентства Джорджа Буша. Со всей очевидностью, грузинская война способствует ещё большему ужесточению позиций.

Действия США не могут не вызвать реакции в Москве. Вплоть до лета 2008 года Россия, по необходимости прямо воздействуя на Южную Осетию и Абхазию и ослабляя Тбилиси, поддерживает статус-кво. Однако признание независимости Косова (февраль 2008) и Бухарестский саммит (апрель 2008) вызывают двойную трещину в позиции России. Открытая Украине и Грузии перспектива выглядит провокацией в глазах России, интерпретирующей позицию Вашингтона как нескрываемое пренебрежение её интересами. Спор вокруг систем ПРО в Польше и Чешской республике способствует дальнейшему ухудшению отношений, поскольку касается одного из оснований российской безопасности – неуязвимости её стратегического ядерного потенциала.

Иран и Грузия

Деградация российско-американских отношений угрожающе ускоряется в ходе первой половины 2008 года. Завершение мандата администрации Буша и грядущая смена президента Путина вызывают внутривнутриполитическую неопределённость. Два президента в последний раз встречаются в Сочи (апрель 2008) на фоне трёх тяжеловесных досье: расширение НАТО, американская противоракетная система и Иран. С точки зрения Москвы, эти три темы связаны друг с другом и представляют угрозу хрупкому равновесию в сфере европейской безопасности. Неоднократно Россия выражает своё решительное несогласие с новым расширением НАТО. Хорошо известные и тщательно отработанные аргументы двух сторон возвращают к жизни риторику времён холодной войны. При этом российская сторона стремится подчеркнуть, что эта эскалация отражает не столько конфликт между Россией и Западом, сколько общий кризис безопасности³⁹. Помимо этого, Москва выражает сожаление в связи с попытками сближения НАТО с Кавказом и Центральной Азией – регионами, расположенными вне зоны ответственности этой организации. Ощущение осады сопровождается изобличением американского одностороннего подхода и его дестабилизирующих эффектов на Среднем Востоке. По этому вопросу одного только иранского досье достаточно для иллюстрации растущего непонимания между двумя странами в период президентства Джорджа Буша. Администрация Буша выражает сожаление по поводу двойной логики, которой подчиняется политика России в отношении Ирана. Со своей стороны, Кремль рассматривает Иран как региональную державу,

³⁹ Выступление Игоря Иванова, 14-й семинар Ифри/МГИМО по вопросам безопасности, 1 декабря 2008.

способную оказывать влияние не только на Среднем Востоке, но и на Кавказе и в Центральной Азии, и соответственно, с точки зрения Москвы, подчинение принципу реальности требует интеграции этого государства в действия по стабилизации региона.

По этому досье Москва отдаёт предпочтение сугубо юридическому подходу в рамках, предусмотренных Договором о нераспространении ядерного оружия, в то время как Вашингтон основывает свою оценку на сопоставлении политического проекта Тегерана, его заявлений в адрес Израиля и выявленных технологических достижений, не ограничиваясь одной только ядерной сферой *stricto sensu* (включая баллистическую). Другими словами, две страны подходят к проблеме под разными углами зрения и поэтому по-разному оценивают степень риска⁴⁰. Иранское досье непосредственно связано с проблемой развертывания систем противоракетной обороны в Польше и Чешской республике. С точки зрения Вашингтона, эти системы позволят предотвратить возникающую иранскую баллистическую угрозу. С точки зрения Москвы, они ставят под вопрос российско-американское стратегическое равновесие. Более того, Москва указывает на противоречивость американской позиции, которая состоит в попытке урегулирования иранского вопроса при помощи изоляции этого государства с одновременной подготовкой военной операции с целью его разоружения, и одновременном планировании планирование системы защиты, основанной на гипотезе существования ядерного Ирана⁴¹. На самом же деле, иранское досье демонстрирует накладку повесток дня и календарей между двумя странами, а также различия в восприятии неизбежности угрозы.

Иранский вопрос приводит также администрацию Буша к внедрению в страны Кавказа и Центральной Азии. Пытаясь убить двух зайцев, она одновременно стремится предотвратить возникающую иранскую угрозу и ограничить уже существующую угрозу со стороны России. В Европе такое представление об угрозах часто не находит полного понимания и именно это объясняет частоту упоминаний «новой холодной войны», как если бы конфронтация с Москвой вновь обрела структурный и глобальный характер. На самом же деле, это представление угроз следует понимать в контексте стратегии доступа к региональным театрам, на которых российское влияние ощущается с большей или меньшей силой. Грузинская война парализовала начатый процесс, показав недооценку Вашингтоном возможностей влияния России на Кавказе, а также хрупкость режима Саакашвили. Кроме того, в ходе второго мандата администрация Буша была вынуждена сконцентрироваться на Центральной Азии, по причине ухудшения ситуации в Афганистане и Пакистане, а также усиления присутствия Китая.

⁴⁰ Th. Graham, «The Friend of My Enemy», *The National Interest*, май-июнь 2008, с. 38.

⁴¹ Встреча с высокопоставленным представителем российской дипломатии, декабрь 2008.

Грузинская война имеет множественные причины, среди которых дилемма, стоящая перед США и Россией в сфере безопасности: преследование собственных интересов без согласованности в действиях обеих сторон может привести к серьёзным ошибкам в оценках друг друга⁴². Эта война вылилась в наиболее острый после окончания холодной войны кризис в российско-американских отношениях⁴³. С точки зрения Дика Чейни, «российская агрессия» не может оставаться без ответа и должна привести к переосмыслению отношений между двумя странами⁴⁴. В реальности, инициированный ЕС ответ на кризис на дипломатическом уровне ещё раз свидетельствует о тупике, в котором оказалась администрация Буша. Грузинский кризис иллюстрирует её неспособность сделать выбор между европейской стабильностью, поддержкой «маленькому союзному государству», неизбежным диалогом с Москвой, доступом к региональным операционным театрам и продвижением демократии. Он также свидетельствует о недостаточности прогнозирования возможного поведения стран, находящихся «на перепутье», к которым относится Россия.

⁴² E. Wishnick, *Russia, China, and the United States in Central Asia: Prospects for Great Power Competition and Cooperation in the Shadow of the Georgian Crisis*, Carlisle, Strategic Studies Institute, US Army War College, февраль 2009, с. 2.

⁴³ Анализ «по горячим следам» см. в: A. Monaghan, *The Russo-Georgian Conflict*, Rome, NATO Defense College, Immediate Report, август 2008.

⁴⁴ G. Jahn, «Oil Falls Despite Conflict», *Associated Press*, 11 августа 2008.

Заключение

К непониманию администрацией Буша природы российского могущества в 2000-2008 годах добавилась неуверенность в определении природы отношений, которые следует поддерживать с Россией. С российской стороны, ужесточение политического режима и улучшение экономической ситуации позволили проводить более напористую внешнюю политику, движимую, в первую очередь, стремлением к престижу. В силу идеологического ослепления, администрация Буша не смогла найти те рычаги воздействия, которые предоставлял поиск российским режимом престижа на международной арене. На отношения между двумя странами, – ставшими жертвами собственных «мании величия» и «комплекса неполноценности», – продолжают оказывать воздействие призраки холодной войны.

Администрация Буша колебалась между двумя тенденциями. Первая, односторонняя, заключалась в продвижении ценностей и интересов США, при этом меньше всего интересуясь возражениями Москвы. Вторая, в большей степени ориентированная на сотрудничество, заключалась в отведении Москве резервной роли поддержания американских позиций в сферах нераспространения ядерного оружия и борьбы с терроризмом. В обоих случаях администрация Буша не принимала во внимание два основных момента: общее состояние российско-американских отношений и психологию российских элит. Вашингтон не осознал значимости двусторонних рамок для Москвы и не смог использовать основополагающий парадокс внешней политики Владимира Путина, акцентирование антиамериканизма которого было напрямую связано с поиском признания Вашингтоном. Путину не удалось добиться от администрации Буша признания факта возрождения России и в этом контексте грузинская война может рассматриваться как стремление заставить наконец услышать себя путём внушения страха.

В конечном счете, напрашивается вывод о том, что администрация Буша воспринимала Россию как незначительную величину. Это пренебрежение дорого обходится сегодня, создавая серьёзные трудности для администрации Обамы. Несмотря на изменение риторики и желание восстановления российско-американских отношений, администрация Обамы продолжает зависеть от весьма деградировавших рамок существования этих отношений. Помимо крупных двусторонних (слабость экономических обменов) и многосторонних (вступление России в ВТО) досье, а также вопросов безопасности (Иран, европейская архитектура безопасности и стабилизация Афганистана), нынешней администрации также

придётся столкнуться с определённой формой русофобии, созданной в США могущественными лоббистами, в то время как российские элиты вновь обрели единство на почве антиамериканизма и эта тенденция распространилась на все слои российского общества. Другими словами, администрации Обамы, если она действительно стремится изменить фундамент отношений с Россией, придётся затратить значительные ресурсы на изменение атмосферы этих отношений, а также имиджа собственной страны. Одного саммита явно не может быть достаточно, чтобы развеять наследие эпохи Буша.